

Российское конвенциональное сдерживание РАСШИРЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 466
Март 2017 г.

Сергей Минасян¹
Институт Кавказа, Армения

В течение последних двух десятилетий конвенциональное (неядерное) сдерживание в военной стратегии России трансформировалось из практического инструмента ведения боевых действий оперативно-тактического уровня в отдельный военно-политический фактор – самодостаточный компонент российской концепции стратегического сдерживания. Вскоре после того, как Россия пересмотрела свою Военную доктрину в 2014 г., она применила элементы концепции конвенционального сдерживания в своей Сирийской кампании – на фоне международного давления из-за Украинского кризиса и напряженности в отношениях с НАТО. Пусками новых типов дальнобойных и высокоточных ракет в Сирии Россия продемонстрировала эти вооружения как практические средства ведения боевых действий и геополитические инструменты сдерживания.

«Второй конвенциональный период»

После эры мировых войн и гонок ядерных вооружений произошел ренессанс конвенционального сдерживания. Так называемый [«второй конвенциональный период»](#) характеризуется развитием современных обычных вооружений: дальнобойных высокоточных баллистических и крылатых ракет с использованием передовых систем разведки, наблюдения и рекогносцировки. Данные современные технологии включают не только классические ударные платформы – баллистические и крылатые ракеты, артиллерийские системы, другие типы высокоточного оружия (ВТО) – но также вооружения, основанные на новых физических принципах, например, гиперзвуковые вооружения, планирующие маневрирующие боеголовки, противоспутниковые и

---

¹ [Сергей Минасян](#) является заместителем директора и руководителем департамента политических исследований Института Кавказа, Армения.

космические вооружения, а также новые виды некинетического и неядерного вооружения (кибероружие, радиоэлектронное и электромагнетическое оружие).

Как [отмечают](#) российские военные эксперты, технологическое развитие обычных вооружений многими государствами «достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы». Обычные вооружения достигли такой комбинации дальности, точности и мощности, что даже ведущие ядерные державы эффективности используют их для стратегического сдерживания. Важным преимуществом при реализации неядерного сдерживания является то, что даже самые мощные конвенциональные вооружения, как например российские термобарические боеголовки, не сопровождаются серьезным радиоактивным побочным эффектом, как при использовании любых типов ядерного оружия, даже так называемых «мини ньюков». «Конвенционализация» стратегического сдерживания ключевыми ядерными державами – Соединенными Штатами, Россией и Китаем – уже приводит к частичному замещению как минимум на региональном уровне ядерного сдерживания конвенциональным, основанным на ВТО дальнего радиуса действия.

Динамика советских и постсоветских российских концептуальных подходов

В силу закрытого характера военно-стратегических исследований в Советском Союзе, проблематика конвенционального сдерживания никогда не приобретала широкого внимания в советской военной и политической теории, в отличие от западных стран. Во многом это было также обусловлено тем фактом, что Советский Союз и его союзники по Варшавскому Пакту обладали существенным количественным и даже качественным наступательным преимуществом в обычных вооруженных силах в Европе.

После развала Советского Союза внимание к российскому конвенциональному сдерживанию стало постепенно усиливаться. Основной причиной стала усиливающаяся роль ядерного сдерживания ввиду упадка российских обычных вооруженных сил на фоне обратного процесса в США и в ведущих странах НАТО. Между тем, интерес российского научного сообщества к конвенциональному сдерживанию преимущественно был увязан с проблемами контроля над обычными вооружениями (например, связанными с Договором об обычных вооруженных силах в Европе), с очень ограниченными исследованиями о влиянии конвенционного ВТО на стратегическую стабильность и ядерное сдерживание. Например, лишь частично рассматривались контрсилловые угрозы со стороны американских высокоточных конвенциональных крылатых ракет морского (КРМБ) и воздушного базирования (КРВБ) против российских стратегических ядерных шахтных и мобильных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет.

Только с начала 2000-х гг. роль обычных вооруженных сил с точки зрения российского стратегического сдерживания начала усиливаться и стала рассматриваться как исходный элемент в ранней деэскалации военных конфликтов (до возможного использования ядерных вооружений). [Согласно](#) мнению российских военных экспертов, одним из ключевых преимуществ конвенционального сдерживания являлось то, что оно повышало порог применения ядерного оружия. Как [отмечала](#) Кристин Леа в декабре 2015 г. «обычные вооружения используются для сдерживания агрессии начиная с угрозы причинения существенного урона вооруженным силам противника, а также его военному и экономическому потенциалу, и заканчиваясь с угрозой ядерной эскалации конфликта в рамках масштабного обмена ядерными ударами».

Первоначально постсоветские российские концептуальные подходы к конвенциональному сдерживанию рассматривали его не столько как военно-политический средство, но и как практический инструмент ведения боевых действий, особенно применимый в локальных конфликтах низкой интенсивности, в которых использование ядерного оружия было бы бесполезным. Российские военные теоретики рассматривали неядерное сдерживание как удобное военно-политическое дополнение к тактическим ядерным вооружениям. Неслучайно, что еще с 1990-х гг. в российском профессиональном дискурсе (например, в исследованиях Андрея Кокошина) [использовались](#) термины «неядерное сдерживание» или «предъядерное сдерживание», а не просто «конвенциональное сдерживание» (т.е. сдерживание с помощью обычных вооружений).

Усилившиеся точность и мощность обычных вооружений постепенно повышали их роль в российской стратегии сдерживания. Значимость конвенционального сдерживания как практического оперативно-тактического инструмента ведения боевых действий также возросла. Хотя теоретические основы конвенционального сдерживания начали развиваться в России в конце 1990-х гг., практическое тестирование и демонстрация его продвинутых технических возможностей произошли лишь сравнительно недавно, в Сирии. Это касается особенно ВТО стратегического уровня, к примеру, крылатой ракеты ЗМ54 «Калибр», но может распространяться также и на перспективные проекты разрабатываемых вооружений, такие как гиперзвуковой планирующей летательный аппарат Ю-71 или гиперзвуковая крылатая ракета ЗК22 «Циркон».

Самостоятельный компонент российского стратегического сдерживания

Российский подход к конвенциональному сдерживанию отличается от программы США «Неядерный быстрый глобальный удар» (НБГУ). По [мнению](#) одного из ведущих американских экспертов, в данной концепции США пока еще «ракета ищет задачу», подразумевая, что детальная техническая разработка и развитие программы осуществляются еще до того, как определены ее цели или зафиксированы в стратегических доктринах США.

Согласно российским официальным лицам, техническое и концептуальное развитие российского неядерного сдерживания во многом [является ответом](#) на НБГУ. Анализ контрсилловых возможностей американского ВТО дальнего радиуса действия (например, Block IV «Томагавк») демонстрирует, что на нынешнем этапе оно пока не гарантирует успешный «обезоруживающий» удар против российских ядерных шахтных и мобильных грунтовых ракетных пусковых установок. Однако, неядерное ВТО США уже может дополнять тактические (нестратегические) ядерные вооружения и подрывать общий баланс между двумя ядерными сверхдержавами. Российские эксперты утверждают, что дальнейшее технологическое развитие НБГУ (вместе с расширением системы противоракетной обороны США и появлением нового поколения ВТО) [создаст угрозу выживаемости](#) потенциала российского стратегического сдерживания. Согласно расчетам Стратегического командования США (STRATCOM), неядерное ВТО уже способно [уничтожить](#) от 10 до 30% контрсилловых целей в России.

Неядерные вооружения занимали незначительное место в рамках российского глобального стратегического сдерживания. Это изменилось в результате развития российских технологий, и в настоящее время оно может использовать свой потенциал как в контексте «центрального ядерного сдерживания» между Россией и Соединенными Штатами, так и в перспективе стать контрсилловым инструментом в отношении ядерных держав «второго эшелона». Развитие высокоточных стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении (СНВНО) может вскоре стать предметом переговоров по проблемам контроля над вооружениями между Москвой и Вашингтоном, с дискуссиями о развитии баллистических и крылатых ракет наземного и морского базирования, ударных беспилотных аппаратов дальнего радиуса действия, и их соответствия Договору о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД) и других соглашений в сфере контроля над вооружениями.

Еще с завершающего периода Холодной войны Соединенные Штаты имели почти монополию на крылатые ракеты наподобие «Томагавков». Именно поэтому Вашингтон не был заинтересован обсуждать этот вопрос в ходе переговоров по Договору СНВ-3. Однако сейчас ситуация изменилась: первые пуски российских КРМБ «Калибр» и [первое боевое использование](#) КРВБ Х-101 в Сирии существенно изменили весь контекст переговоров по стратегическим вооружениям. Возможное развертывание новой российской ракеты 9М729 (SSC-8), которая является наземной версией КРМБ «Калибр» (или же КРВБ Х-101), с использованием пусковой установки мобильных ракетных комплексов «Искандер-М» еще более усложняет контекст контроля над стратегическими вооружениями; проблема в том, что данные действия России вполне вероятно напрямую [нарушают](#) положения РСМД.

Несмотря на активные дебаты по концепциям и перспективам технологического развития, многие российские эксперты утверждают, что конвенциональное сдерживание не в состоянии полностью заменить ядерное сдерживания ни на глобальном ни на региональном уровнях. Однако развитие СНВНО может внести существенные изменения в общую концепцию российского стратегического

сдерживания. СНВНО может решать задачи конвенциональной деэскалации конфликтных ситуации между ядерными сверхдержавами (в рамках известной российской концепции «де-эскалации путем эскалации»), а также нанесения превентивных ударов по ядерным и неядерным средствам, без использования своего собственного ядерного потенциала.

Российское СНВНО не заменит полностью тактические (нестратегические) ядерные вооружения, но будет служить важным элементом сдерживания как на тактическом, так и на стратегическом уровнях. Украинский конфликт ускорил этот процесс, а российская кампания в Сирии проявила со всей наглядностью. Согласно заявлению Сергея Шойгу в январе 2017 г., Министерство обороны России планирует к 2021 г. в четыре раза увеличить потенциал своего СНВНО, что позволит России еще более [расширить возможности](#) своего неядерного сдерживания.

Потенциал для практического ведения боевых действий

Развитие российского ВТО дальнего радиуса действия осуществляется при межвидовом взаимодействии Сухопутных Войск, Воздушно-Космических Войск и Военно-Морского Флота. Наряду с их ролью в стратегическом сдерживании, данные вооружения также могут рассматриваться в качестве средств «преграждения доступа/блокирования зоны» (*anti-access/area-denial - A2/AD*) — с целью [воспрепятствования](#) доступа вероятных противников в такие стратегические районы, как акватории Черного и Балтийского морей, а также вокруг баз ядерных подводных Северного и Тихоокеанского Флотов. Россия уже оснащает свои «морские бастионы» на Балтийском море (Калининград) и Черном Море (Крым) системами ПД/БЗ дальнего радиуса действия². Россия создала «пузырь» ПД/БЗ также и над Сирией.

Противодействие российским и китайским системам ПД/БЗ является одним из аргументов военных планировщиков США для дальнейшего развития программы НБГУ. Поэтому, вполне естественно, что с целью противодействия глобальному неядерному удару США, а также для более эффективной реализации собственных средств ПД/БЗ, российское неядерное сдерживание приобретает новое значение на оперативно-тактическом и суб-стратегическом уровнях. Например, развитие эффективной системы ПД/БЗ может напрямую влиять на проблемы региональной безопасности в Европе. В этом контексте формирование потенциала неядерной системы ПД/БЗ в Калининграде создает новую реальность между Россией и НАТО, особенно в отношении [Балтийских стран](#).

После Украинского конфликта, некоторые западные эксперты склонны описывать российское конвенциональное сдерживание как часть более широкого стратегического

---

² Российская концепция т.н. «морских бастионов» была разработана еще во время Холодной войны и имела целью оборону пунктов базирования советских ядерных подводных лодок в контексте военно-морского преимущества США и НАТО. См. подробнее: James J. Wirtz, “Strategic Conventional Deterrence: Lessons from the Maritime Strategy,” *Security Studies*, Vol. 3, Autumn 1993, p.132-137.

подхода (например, «многосферного силового принуждения») и пытаюсь связать его с «гибридной войной» и другими новомодными концепциями, призванными характеризовать российскую политику на постсоветском пространстве. В дополнение к этому, в экспертных кругах уже широко обсуждается вопрос, должно ли НАТО вернуться к реализации собственной политики конвенционального сдерживания с целью реагирования на возрастающий потенциал российских войск общего назначения и системы неядерного сдерживания. Эксперты рассматривают комбинацию российских способов ведения гибридной войны и их систем ПД/БЗ – которые усиливают друг друга – в контексте возможных российских планов в отношении стран Восточной Европы. Отмечается, что Россия может «создать своего рода двойное сдерживание от вмешательства НАТО в военный кризис».

Наконец, другой сферой, где может быть применено российское конвенциональное сдерживание, особенно традиционное ВТО дальнего радиуса действия, является борьба с терроризмом, которое согласно российской Военной Доктрине, рассматривается в качестве одной из основных угроз, в том числе – целенаправленное уничтожение лидеров террористических группировок. Кстати, борьба против терроризма также представлена в качестве одного из официальных приоритетов американской программы НБГУ.

Заключение

Конвенциональное (неядерное) сдерживание существенно эволюционировало в российском военном и стратегическом мышлении. Оно является субстратегическим инструментом ведения боевых действий, а также самостоятельным военно-политическим элементом стратегического сдерживания. В основном оно отражается на постсоветском пространстве, но оказывает влияние также на Европу и Ближний Восток. Выступая как самостоятельный элемент системы российского стратегического сдерживания глобального уровня, оно может быть совмещено с российскими стратегическими ядерными вооружениями, а также некинетическими кибер- и радиоэлектронными видами вооружений. На региональном уровне российская система конвенционального (неядерного) сдерживания может применяться в комбинации с тактическими (нестратегическими) ядерными вооружениями для придания гибкости стратегическому сдерживанию, особенно в тех кризисных ситуациях, в которых у Москвы ограниченные политические цели. Имеющиеся ракетные системы и вооружения являются также практическими инструментами ведения боевых действий, способствующими усилению потенциала ПД/БЗ российских сил общего назначения. Это также включает использование ВТО в региональных, асимметричных конфликтах низкой интенсивности, а также в борьбе против терроризма.

Вкратце, новый потенциал и доктринальные установки российского конвенционального (неядерного) сдерживания обеспечивают политическую основу и геополитическое влияние, когда сдерживание нацелено на обеспечение регионального баланса и

продвижение российских геополитических интересов на постсоветском пространстве, в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, и возможно за их пределами.

Elliott School of
International Affairs
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2017. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org